

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

Шифр научной специальности 5.9.5

Функционирование местоимений в объективации языковой личности М. Полознева (на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь»)

Валентина Артуровна Тамазян

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
140410, Российская Федерация, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, 30

 tamazyan.valentina@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Антропологическая парадигма современного научного знания актуализирует изучение языка в тесной взаимосвязи с конкретным носителем, то есть языковой личностью. Этим фактом определяется научная проблема исследования, которая заключается в обращении к изучению интегративного понятия «языковая личность» применительно к персонажу художественного произведения. Цель исследования заключается в анализе функционирования местоимений (слов указующих) в структуре языковой личности персонажа художественного текста. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования является текст повести А.П. Чехова «Моя жизнь», на основе анализа которого осуществляется исследование языковой личности Михаила Полознева. Используются методы сплошной выборки, сравнения, описания, сопоставления, а также статистический метод. На основе метода сплошной выборки выявлено общее количество местоимений (слов указующих) в индивидуальном лексиконе М. Полознева, а также проанализировано их функционирование на всех уровнях языковой личности. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Проанализировано и описано функционирование 90 слов указующих (местоимений) с общим числом употреблений 3603 в индивидуальном лексиконе М. Полознева, что позволило сделать ряд выводов о специфике языковой личности персонажа. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Сформулированы выводы о том, что местоимения (слова указующие) выступают средством объективации миромоделирующих категорий в структуре языковой личности персонажа, а их синтагматические связи с концептуально значимыми единицами индивидуального лексикона формируют представление о картине мира главного героя.

Ключевые слова: индивидуальный лексикон, картина мира, языковая личность, местоимения, функционирование, А.П. Чехов, Моя жизнь

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: В.А. Тамазян – идея, обзор научной литературы, анализ художественного текста, статистическая обработка данных, написание черновика рукописи, доработка рукописи по результатам рецензирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тамазян В.А. Функционирование местоимений в объективации языковой личности М. Полознева (на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь») // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 440-451. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

OECD 6.02.; ASJC 1203

Pronouns functioning in the objectification of the linguistic personality of M. Poloznev (based on the story by A.P. Chekhov “My Life”)

Valentina A. Tamazyan

State University of Humanities and Social Studies

30 Zelyonaya St., Kolomna, Moscow Region, 140410, Russian Federation

 tamazyan.valentina@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The anthropological paradigm of modern scientific knowledge actualizes the study of language in close connection with a specific carrier, that is, a linguistic personality. This fact determines the scientific problem of the research, which consists in addressing the study of “linguistic personality” integrative concept in relation to the character of a work of art. The goal of the study is to analyze the functioning of pronouns (indicative words) in the structure of the linguistic personality of a fiction text character. **MATERIALS AND METHODS.** The material of the study is the text of A.P. Chekhov’s story “My Life”, based on the analysis of which the study of the linguistic personality of Mikhail Poloznev is carried out. The paper uses continuous sampling, comparison, description, juxtaposition methods as well as the statistical method. The object of the study is indicative words (pronouns), which are studied from their functional load position at all levels of the structure of the linguistic personality of the character. Based on the continuous sampling method, the total number of pronouns (indicative words) in the individual lexicon of M. Poloznev is identified, and their functioning at all levels of the linguistic personality is analyzed. **RESULTS AND DISCUSSION.** The functioning of 90 indicative words (pronouns) with a total of 3603 uses in the individual lexicon of M. Poloznev is analyzed and described, which allowed us to draw a number of conclusions about the specifics of the character’s linguistic personality. **CONCLUSION.** Conclusions are formulated that pronouns (indicative words) act as a means of objectifying world-modeling categories in the structure of the character’s linguistic personality, and their syntagmatic connections with conceptually significant units of the individual lexicon form an idea of the world picture of the protagonist.

Keywords: individual lexicon, picture of the world, linguistic personality, pronouns, functioning, A.P. Chekhov, My Life

Funding. This research received no external funding.

Authors’ Contribution: V.A. Tamazyan – idea, scientific literature review, literary text analysis, statistical data processing, writing – original draft preparation, manuscript revision upon review results.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Tamazyan, V.A. Pronouns functioning in the objectification of the linguistic personality of M. Poloznev (based on the story by A.P. Chekhov “My Life”). *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):440-451. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

ВВЕДЕНИЕ

«На сегодняшний день представляется возможным констатировать, что понятие «личность» является центральным <...> в целом ряде наук как дисциплинарного, так и междисциплинарного цикла, таких, как философия, психология, социология, антропология, филология, <...> этнолингвистика, лингводидактика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология и многих других»¹. Неудивительно, что в рамках когнитивной лингвистики, лингвоперсонологии, лингвокультурологии, лингводидактики и других наук возникло понятие «языковая личность», ориентированное на раскрытие личности через призму языка. Иначе говоря, «каждый носитель языка является обладателем некой внутренней системы, которая позволяет ему строить и воспринимать тексты на данном языке» [1, с. 3], где «абстрактная «языковая система» обретает статус своеобразного фона, а... объектом изучения становится естественная система – словарь и грамматика, «присвоенные» носителям языка, а также сами носители языка – языковые личности» [1, с. 3]. Актуальность статьи обусловлена «обращением к языковой личности персонажа художественного произведения, которая привлекает пристальное внимание лингвистов, что находит отражение в разнообразии подходов к её изучению» [2, с. 90].

Ведущие модели теории языковой личности были разработаны Г.И. Богиним, А.А. Ворожбитовой, Ю.Н. Карауловым² и др. В трудах Т.Г. Винокур, С.Г. Воркачёва, В.И. Карасика, Л.П. Клобуковой, В.А. Масловой, С.Е. Никитиной³ Е.М. Дубровской,

О.А. Кадилиной, Е.Н. Рядчиковой, Ю.В. Казарина отражены различные подходы к её анализу, в частности, культурологический, лингвокультурологический, коммуникативный и т. п. [3–5]. Особое внимание обратим на работы, посвящённые проблеме анализа языковой личности в художественном тексте, среди которых считаем необходимым выделить исследования А.Ю. Богомоллова, В.В. Волкова, А.А. Смирновой⁴, М.А. Дубовой, Н.В. Карпинской, В.А. Масловой, Е.Н. Рядчиковой, К.Я. Сигала, С.С. Тахтаровой, А.И. Тимофеевой, О.В. Шаталовой, О.С. Шуруповой [6–15] и других учёных.

Наш научно-исследовательский интерес связан с языковой личностью персонажа художественного текста, анализируя которую мы будем придерживаться следующих положений:

– языковая личность персонажа художественного текста (художественный образ) «отождествляется с реальной личностью»⁵;

– «при рассмотрении языка конкретного персонажа мы должны отвлечься от самой личности автора, действительного создателя данного текста»⁶.

Подчеркнём, что при реконструкции языковой личности на вербально-семанти-

---

ская парадигма. URL: http://library.lgaki.info:404/2020/Воркачев_Лингвокультурология.pdf (дата обращения: 03.12.2023); Карасик В.И. Языковые ключи. Москва: Гнозис, 2009. 406 с.; Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики. URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_01_02klobukova.pdf (дата обращения: 03.12.2023); Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.; Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность: сб. ст. Москва: Наука, 1989. С. 34–40.

⁴ Богомоллов А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопэтики (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005. 22 с. <https://search.rsl.ru/record/01003250894>; Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста. Москва: ФЛИНТА, 2019. 148 с.; Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на примере произведений М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 22 с.

⁵ Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на примере произведений М.А. Булгакова).

⁶ Там же.

¹ Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. Москва: Гнозис, 2017. С. 196.

² Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов. URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (дата обращения: 03.12.2023); Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. Москва: Высш. шк., 2005. 367 с.; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: ЛИБРОКОМ, 2019. 264 с.

³ Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность: сб. ст. Москва: Наука, 1989. С. 11–34; Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: антропоцентриче-

ческом уровне мы имеем дело с индивидуальным лексиконом персонажа («репрезентированный в тексте словарь изображаемой языковой личности, или индивидуальная лексическая система («присвоенный язык»), являющаяся средством экспликации индивидуального образа мира»)⁷.

Отличительными чертами индивидуального лексикона персонажа, в отличие от реально функционирующей языковой личности носителя языка, являются: «наблюдаемость единицы хранения информации, где слово выступает единицей индивидуального лексикона; закрытость списка, то есть все лексические единицы, используемые языковой личностью персонажа, могут быть подвергнуты детальному анализу; статичность системы, то есть словарь персонажа не обладает динамичностью» [1, с. 20].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках нашего исследования считаем целесообразным придерживаться подхода, согласно которому «весь словарный состав языка... делится на четыре основных макрокласса: слова указующие; слова именующие; слова собственно связующие; слова собственно классифицирующие» [1, с. 23-24]. В соответствии с поставленной целью наше внимание будет акцентировано на словах указующих, то есть местоимениях, поскольку «они обозначают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы»⁸. По мнению Н.Ю. Шведовой, «исходные местоимения, возглавляющие и организующие весь этот класс, означают и осмысливают такие понятия, которые относятся к самим основам материального и духовного мира; это понятия о времени и пространстве, о живом существе, предмете, явлении, признаке»⁹ и т. п.

Таким образом, цель нашего исследования заключается в анализе функционирования местоимений (слов указующих) в струк-

туре языковой личности персонажа художественного текста, а именно М. Полознева, на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь», выступающих средствами объективации миромоделирующих категорий в картине мира персонажа, что предполагает последовательное решение следующих задач:

- на основе метода сплошной выборки выделить макрокласс слов указующих в индивидуальном лексиконе М. Полознева;
- рассмотреть их функционирование в дискурсе языковой личности М. Полознева;
- обозначить основные синтагматические связи слов указующих с единицами индивидуального лексикона, которые обладают концептуальной значимостью для языковой личности персонажа в художественном тексте.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Повесть А.П. Чехова «Моя жизнь» была написана в 1896 г. и принадлежит к позднему периоду творчества писателя. По мнению А.П. Чудакова, в рассказах и повестях А.П. Чехова «в зависимости от характера речи рассказчика среди произведений от 1-го лица можно выделить три разновидности»¹⁰:

- «рассказ с установкой на чужую речь, то есть рассказчиком выступает лицо, обладающее яркой социально-психологической и языковой определённойностью;
- рассказ с установкой на устную речь, то есть рассказчику свойственна устно-разговорная речь с соблюдением норм литературного языка, и его речь не ощущается как чужая;
- рассказ, где нет установки ни на чужую, ни на устную речь, то есть рассказчик совершенно открыто выступает в роли писателя, его речь сближается с речью повествователя»¹¹.

Мисаил Полознев относится к третьему типу рассказчика, по этой причине ведущее место в тексте повести занимают «текстовые фрагменты, репрезентирующие прямые вы-

⁷ Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Москва: Азбуковник, 1998. 176 с.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Москва: Наука, 1971. 290 с.

¹¹ Там же.

сказывания персонажа (персонажная субъектная речевая сфера)» [1, с. 16-17].

В ходе анализа индивидуального лексикона М. Полознева нами было выявлено, что им используются 3722 слова различной частеречной принадлежности, суммарное употребление которых составляет 14993. «В состав текстового лексического объединения «слова указующие» [1, с. 31] (местоимения) входит 90 единиц с общим числом употреблений 3603. Среди них ведущее место занимают слова, «указывающие на предмет» с общим количеством употреблений 2277, что составляет 63,2 % от общей частотности «слов указующих», которые «объединяются вокруг двух центральных точек: смыслового исхода «кто»... и смыслового исхода «что» [1, с. 32] – и разделены на следующие группы: «указание на уверенное знание», «указание на неопределённое знание», «указание на незнание» согласно семантической классификации Н.Ю. Шведовой¹². В табл. 1–3 (внутри скобок) указан индекс частотности каждого местоимения.

Функционирование слов, указывающих на предмет, в объективации языковой личности М. Полознева. Отметим, что в индивидуальном лексиконе М. Полознева преобладают *кто-указатели*, где на 16 единиц приходится 2094 употребления, тогда как *что-указатели*, представленные 9 единицами, насчитывают всего 183 употребления. Среди слов указующих преобладает группа «уверенное знание» (сравним показатели: уверенное знание – 16/2192; неуверенное знание – 7/44; незнание – 2/41), что свидетельствует о том, что М. Полознев обладает «высокой степенью уверенности в том, что он говорит» [1, с. 33].

Отметим, что концептуально значимыми в картине мира персонажа являются лексемы *жизнь* (ИЧ – 43), *труд* (ИЧ – 20), *справедливость* (ИЧ – 2), *совесть* (ИЧ – 3), *правда* (ИЧ – 4), последние три выделены нами как концептуально значимые из-за индивидуальных смыслов, накладываемых на них языковой личностью персонажа, постоянная внутренняя рефлексия которого при-

водит его к мысли о том, что только физический труд и жизнь мужицкая позволяют жить по совести и правде. «Таким образом, *праздная, беззаботная жизнь*, которую ведёт отец и призывает вести Мисаила, ассоциирующаяся в сознании последнего с умственным трудом, и рабочая, каторжная жизнь, характеризующая выбранный героем физический труд, явно антонимичны, как противоположны мировоззрения и жизненные ценности отца и сына»¹³, чем и обусловлено преобладание *кто-указателей* в индивидуальном лексиконе персонажа. Мы видим, что именно стремление найти единомышленников и собственный жизненный путь заставляет Мисаила менять социальное положение, круг общения, сферу профессиональной деятельности и определяет его как языковую личность экстравертного типа, то есть он открыт новым знакомствам и обществу, так как люди его сословия не принимают Мисаила из-за его жизненных ориентиров.

Обратимся к анализу функционирования личных местоимений в дискурсе персонажа. Ведущее место среди них занимает местоимение *я* (ИЧ – 885), что обусловлено преобладанием интериоризованной речи персонажа и позволяет отнести М. Полознева к монологическим героям, а также может быть обусловлено спецификой повествовательной структуры произведения. Личные местоимения *ты* (ИЧ – 8) и *вы* (ИЧ – 23) используются Мисаилом в диалогах, причём местоимение *ты* характеризует исключительно диалоги Мисаила с сестрой и женой, так как это самые близкие люди в жизни героя. Что касается местоимений *он* (ИЧ – 341), *она* (ИЧ – 429) и *они* (ИЧ – 77), то в большинстве своём они обозначают лиц, окружающих Мисаила (отца, доктора Благово, сестру, жену, рабочих, мужиков, дворян), то есть указывают на «*одушевлённый предмет*». Однако местоимения третьего лица, как и местоимение

¹² Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Москва: Азбуковник, 1998. 176 с.

¹³ Тамазян В.А. Особенности функционирования лексемы «жизнь» в повести А.П. Чехова «Моя жизнь» // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: сб. тр. по материалам Всерос. конф. студентов и аспирантов, посвящ. 140-летию со дня рождения Л.В. Щербы. Москва: ИИУ МГОУ, 2021. С. 68-72. <https://elibrary.ru/ohryqt>

Таблица 1. «Слова – указатели на предмет»
Table 1. “Words are pointers to the subject”

Семантическое подмножество	Указание на уверенное знание	Указание на неопределённое знание	Указание на незнание
Смысловой исход «кто»	<i>все (19), вы (23), друг друга (9), кто (9), мы (180), он (341), она (429), они (77), сам (17), себя (72), ты (8), я (885)</i>	<i>кто-нибудь (2), кто-то (5), один (3)</i>	<i>никто (15)</i>
Смысловой исход «что»	<i>все (74), вся (10), оно (4), что (35)</i>	<i>кое-что (1), нечто (2), что-то (21), что-нибудь (10)</i>	<i>ничто (26)</i>

Источник: составлено автором на основе подхода, предлагаемого авторами-составителями «Русского семантического словаря» (Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: РАН. Ин-т рус. яз., 2002. Т. 1. 807 с.)

Source: compiled by the author based on the approach proposed by the compiling authors of the Russian Semantic Dictionary. (*Russian Semantic Dictionary*. N.Y. Shvedova (gen. ed.) Moscow, RAS, Russian Language Institute, 2002, vol. 1, 807 p.)

один (ИЧ – 3), могут использоваться «в качестве средств указания и на «неодушевлённый» предмет» [1, с. 33]: *Город наш существует уже сотни лет, и за всё время он не дал родине ни одного полезного человека*¹⁴.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают местоимения *мы* (ИЧ – 180) и *они* (ИЧ – 77), которые в дискурсе языковой личности М. Полознева используются с целью привлечения героем себя к конкретной социальной группе / лицу или в качестве отчуждения и отделения себя от той или иной социальной группы. Приведём несколько примеров: *Пока стояла жаркая и сухая погода, мы (с ребятами) исполняли разные наружные работы; Ели мы, маляры, очень мало*¹⁴; *Мы (с Марией Викторовной) осматривали наше хозяйство и решали, где будет чья комната...; ...и я спрашивал, чем же эти глупые, жестокие, ленивые, нечестные люди лучше пьяных... мужиков или... чем лучше они (дворяне) животных...*¹⁵ и т. п.

Таким образом, в «мир Мы» [1, с. 40] включается несколько субъектов либо их совокупность, то есть свои: Мария Викторовна, доктор Благово, Клеопатра, рабочие, маляры, – а в «Мир ОНИ» – все остальные, т. е. те, с кем утрачены всякие связи (чужие) [1, с. 40].

¹⁴ Чехов А.П. Степь; Скучная история; Три года; Моя жизнь: повести. Москва: Время, 2019. 480 с.

¹⁵ Там же.

«Лексико-грамматическое подмножество «слова, указывающие на непроцессуальный признак» [1, с. 40] включает 23 единицы с общим числом употребления 944, что составляет 26,2 % от общего числа употреблений «слов указующих», представленных тремя смысловыми исходами: «чей», указывающего на принадлежность; смыслового исхода «какой/каков», указывающего на «признак открываемый или приписываемый»; смыслового исхода «сколько», указывающего на количественный признак» [1, с. 40].

Функционирование слов, указывающих на непроцессуальный признак, в объективации языковой личности М. Полознева. Отметим, что и среди слов, указующих на «непроцессуальный признак», преобладает группа «уверенное знание» (сравним показатели: уверенное знание – 14/837; неуверенное знание – 8/105; незнание – 1/2), что подтверждает нашу мысль об уверенности Ми-саила в предмете его речи.

Среди слов, указующих на «непроцессуальный признак», важное место занимает семантическое подмножество смыслового исхода «чей» с общим значением принадлежности как «владения или как отнесенности, исхождения от кого-чего-нибудь, либо обращённости к кому-чему-нибудь»¹⁶.

¹⁶ Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл.

Таблица 2. «Слова – указатели на «непроцессуальный признак»
Table 2. “Index words for a non-procedural feature”

Семантическое подмножество	Указание на уверенное знание	Указание на неуверенное знание	Указание на незнание
Смысловой исход «чей»	<i>ваши (5), его (45), её (46), их (24), мой (107), наш (88), свой (103)</i>	<i>чей (2)</i>	–
Смысловой исход «какой / каков»	<i>какой (23), который (42), самый (24), такой (42), тот (69), этот (217)</i>	<i>всякий (6), другой (32), иной (2), каждый (30), какой-нибудь (11), какой-то (19), некоторый (3)</i>	<i>никакой (2)</i>
Смысловой исход «сколько»	<i>сколько (2)</i>	–	–

Источник: как в табл. 1.
 Source: as in table 1.

При описании и анализе лексико-грамматических классов «Имена существительные» и «Глаголы» нами были выделены преобладающие лексико-семантические группы в индивидуальном лексиконе персонажа: «Человек/лицо», «Время» и «Пространство» и некоторые другие, которые выступают миро-моделирующими категориями в картине мира Мисаила Полознева. Принадлежность лица «миру» самого Мисаила находит отражение в употреблении им личных местоимений, однако ведущую роль в формировании принадлежности явлений, событий, понятий, представлений в картине мира персонажа играют именно притяжательные местоимения. Неприятие умственного труда высшего сословия, выступающего олицетворением праздной и беззаботной жизни, приводит Мисаила к конфронтации с отцом, семьёй Ажогиных, дворянством и т. п., что находит отражение в противопоставлении героем умственного труда – физическому, совести и правды – обману и лжи, его жизни – чужой и т. п., поэтому жизнь Мисаила противопоставлена жизни других людей: *моя жизнь, их жизнь, ваша жизнь, её жизнь*, где осмысление «чужой» жизни убеждает Мисаила в правомерности собственных жизненных установок. Проиллюстрируем сказанное текстовыми фрагментами: *...ставши рабочим, я уже видел нашу городскую жизнь только с её изнанки, почти каждый день мне прихо-*

*дилось делать открытия, приводившие меня просто в отчаяние¹⁷; Это было самое счастливое время **моей жизни**¹⁸; ...и я спрашивал, чем же эти глупые, жестокие, ленивые, нечестные люди лучше пьяных и суеверных куриловских мужиков, ...которые тоже приходят в смятение, когда какая-нибудь случайность нарушает однообразие **их жизни**, ограниченной инстинктами¹⁹; – Сознаю, я виноват во многом, но зачем же эта **ваша жизнь**, которую вы считаете обязательной и для нас, – зачем она так скучна, так бездарна...²⁰ (диалог Мисаила с отцом) и др.*

Отметим, что М. Полознев отказывается от своего социального положения, кардинально меняет род своей деятельности именно из-за неприятия им специфики существования людей своего сословия, то есть центральными вопросами в картине мира персонажа выступают вопросы экзистенциальные. Мисаил, сближаясь с доктором Благово, Марией Викторовной, осознает, что они лишь создавали видимость восхищения его действиями и поступками, но не разделяли его убеждений, целей и установок. А так как у Марии Викторовны и доктора Благово нет тех морально-нравственных установок, которые определяют существование самого Ми-

¹⁷ Чехов А.П. Степь; Скучная история; Три года; Моя жизнь: повести.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

саила на высшем, мотивационном уровне языковой личности, отношения между ними рушатся: *Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он не дурманил себя водкой... чувствуешь, что в нём есть то нужное и важное, чего нет, например, в Маше и докторе, а именно, он верит, что главное на земле – правда и что спасение его... в одной лишь правде, и... больше всего на свете он любит справедливость*²¹.

По этой причине мы наблюдаем происходящий в языковой личности персонажа переход от экстравертного типа к интровертному, что и находит отражение в противопоставлении притяжательных местоимений *мой, наш – его, её, их*. В свою очередь, синтагматические связи притяжательных местоимений с лексемами *жизнь* и *жить*, которые являются концептуально значимыми в картине мира персонажа не только по причине своей частотности, но и вследствие особого индивидуального смысла, присвоенного им непосредственно личностью самого Мисаила, подтверждают нашу мысль о том, что именно специфика существования героя и окружающего его общества противопоставлены друг другу, поэтому из индивидуального лексикона М. Полознева исчезает притяжательное местоимение *наш*, объективируя барьер между Мисаилом и окружающими людьми: *Я постарел, стал молчалив, суров, строг, редко смеюсь... нагоняю на ребят скуку своими бесполезными наставлениями*²².

Важно отметить, что единственные люди, к которым Мисаил испытывает тёплые чувства, – это рабочие. Их он ласково называет «ребятами». Мисаил отождествляет себя с ними по причине того, что им свойственны те же морально-нравственные установки, которые определяют бытие самого героя (*справедливость, совесть, правда*).

«Лексико-грамматическое подмножество «слова, указывающие на признак другого признака или ситуативное состояние» [1, с. 45], составляет 42 единицы с общим числом употребления 382, что составляет 10,6 %

от общего числа употреблений «слов указующих», представленных пятью смысловыми исходами.

Функционирование слов, указывающих на признак признака или состояние, в объективации языковой личности М. Полознева. Слова, указывающие на временной промежуток, представлены 16 единицами с общим числом употребления 186. Большинство из них свидетельствует о том, что временные рамки Мисаилу известны и осознаваемы им. Если говорить о специфике восприятия времени героем, то для него характерно частое обращение к прошлому, как к ближнему, так и дальнему с проекцией его в настоящее и как следствие – будущее: *Прежде, когда я был моложе, мои родные и знакомые знали, что со мною делать, ...теперь же, когда мне минуло двадцать пять и показалась даже седина в висках, всё земное для меня... было исчерпано, и уже мне не советовали, а лишь вздыхали*²³ и др.

Сложности во взаимоотношениях между Полозневыми (отцом и сыном) берут своё начало в детстве Мисаила (прошлое), продолжают в настоящем и приводят к окончательному разрыву в будущем.

Слова, указывающие на пространственные ориентиры, представлены 13 единицами с общим числом употребления 53. Большинство из них свидетельствует о том, что пространственные ориентиры и границы Мисаилу известны и осознаваемы им, то есть отражают «его уверенную ориентацию в пространстве» [1, с. 48].

Обобщая все сказанное, отметим, что анализ функционирования слов указующих в дискурсе М. Полознева позволил сделать выводы о том, что превалирующее положение среди них занимает «текстовое смысловое объединение «уверенное знание» – 58 единиц (64,45 % от общего числа указующих слов) с частотностью 3349, что составляет 92,95 % от общего употребления слов указующих; далее следует текстовое объединение «неуверенное знание» – 25 единиц (27,78 % от общего числа указующих слов) с

²¹ Чехов А.П. Степь; Скучная история; Три года; Моя жизнь: повести.

²² Там же.

²³ Там же.

Таблица 3. «Слова – указатели на признак признака или состояние»
Table 3. “Words are pointers to a feature of a feature or condition”

Семантическое подмножество	Указание на уверенное знание	Указание на неуверенное знание	Указание на незнание
Смысловой исход «когда»	<i>всегда (7), всякий раз (12), давеча (3), иногда (10), когда (7), пока (3), после (10), потом (45), прежде (1), раз (19), сейчас (4), теперь (49)</i>	<i>когда-либо (1), когда-нибудь (1), когда-то (10)</i>	<i>никогда (4)</i>
Смысловой исход «где»	<i>езде (1), вот (8), всюду (1), здесь (4), сюда (2), там (13), туда (1), тут (14)</i>	<i>где-то (3), кое-где (1), куда-нибудь (2), куда-то (2)</i>	<i>некуда (1)</i>
Смысловой исход «зачем / почему»	<i>отчего (2), затем (3), зачем (4)</i>	<i>почему-то (12)</i>	<i>незачем (1)</i>
Смысловой исход «как»	<i>ни разу (2), так (39)</i>	<i>как-нибудь (3), как-то (18)</i>	<i>никак (3)</i>
Смысловой исход «насколько»	<i>весь (46), всего (4), совсем (6)</i>	–	–

Источник: как в табл. 1.
 Source: as in table 1.

частотностью 202, что составляет 5,6 % от общего употребления слов указующих, наконец, текстовое объединение «незнание» – 7 единиц (7,77 % от общего числа указующих слов) с частотностью 52, что составляет 1,45 % от общего употребления слов указующих.

Остановимся подробнее на анализе текстовых смысловых объединений «неуверенное знание» и «незнание». Их наличие свидетельствует об отсутствии у Мисаила Полознева отдельных знаний и представлений о лицах, предметах и их признаках из-за смены социального положения, круга общения, социальной роли и т. п. При этом, подчеркнём, жизненные установки персонажа остаются неизменными вне зависимости от внешних факторов, то есть жизнь, выстроенная по законам совести и правды, – это основа картины мира персонажа. Заметим, что «неуверенное знание» и «незнание» у Мисаила связаны, в первую очередь, с людьми, что подтверждает нашу мысль о том, что герой изначально представлял собой личность экстравертного типа и стремился к людям, однако их качества, действия, поступки отталкивали его от них. Особое внимание мы обра-

щаем на то, что «предметом» постоянной рефлексии Мисаила выступают люди, и только когда они разочаровывают его, он закрывается от внешнего мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги всему вышесказанному, отметим, что цель нашего исследования заключалась в анализе функционирования местоимений (слов указующих) в объективации языковой личности персонажа художественного текста, а именно М. Полознева, на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь». В ходе проведённого исследования нами были получены следующие результаты:

- выявлено, проанализировано и описано функционирование 90 слов указующих (местоимений) с общим числом употреблений 3603 в индивидуальном лексиконе М. Полознева;

- ведущее место среди них занимает «текстовое смысловое объединение «уверенное знание», свидетельствующее об уверенности Мисаила в предмете его речи;

- наличие текстовых смысловых объединений «неуверенное знание» и «незна-

ние» обусловлено сменой персонажем социального положения, рода занятий, окружения;

– выявлены превалирующие лексико-семантические группы в индивидуальном лексиконе персонажа: «Человек/лицо», «Время» и «Пространство», в репрезентации которых участвуют слова указующие (местоимения);

– проведён анализ группы личных и притяжательных местоимений, которые используются в индивидуальном лексиконе персонажа с целью включения себя к конкретной социальной группе / группу лиц

или в качестве отчуждения и отделения себя от той или иной социальной группы: «Мир Я», «Мир МЫ», «Мир ОНИ»;

– выявлено превалирование личного местоимения Я (ИЧ – 885) в индивидуальном лексиконе персонажа, что явилось основанием отнесения его к монологическим героям;

– средства репрезентации языковой личности Мисаила Полознева в тексте повести А.П. Чехова «Моя жизнь» «позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания» [6, с. 450] героя.

Список источников

1. Чурилина Л.Н. Языковая личность в художественном тексте. Москва: ФЛИНТА, 2022. 239 с.
2. Дубова М.А., Тамазян В.А. Глаголы мысли как способ характеристики героя-интеллекта в малой прозе А.П. Чехова и А.И. Куприна // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 9. С. 88-104. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-123>, <https://elibrary.ru/urmodu>
3. Дубровская Е.М. Современное состояние теории лингвокультурных типажей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 394-414. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414>, <https://elibrary.ru/pfwygz>
4. Кадилина О.А., Рядчикова Е.Н. Сильная, слабая и усреднённая языковая личность в коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном аспектах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 4. С. 859-882. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>, <https://elibrary.ru/yphabv>
5. Казарин Ю.В. Лингвистический анализ текста. Москва: Юрайт, 2020. 132 с.
6. Дубова М.А. Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 444-452. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452>, <https://elibrary.ru/ifidqe>
7. Дубова М.А., Ларина Н.А. Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И.А. Бунина // Научный диалог. 2021. № 10. С. 191-212. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212>, <https://elibrary.ru/bmooap>
8. Карпинская Н.В., Шкуран О.В., Шкуран С.А. Характеристика соматической фразеологии в романе Е. Водолазкина «Лавр»: семантика, функциональный потенциал, частотность употребления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1253-1270. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1253-1270>, <https://elibrary.ru/awxhmg>
9. Маслова В.А. Русская языковая и поэтическая картины мира: сущность и дифференциация // Русский тест: теория и практика. 2023. Т. 9. № 1. С. 5-11.
10. Рядчикова Е.Н., Кадилина О.А., Бальян А.М. Алиса из сказок Л. Кэрролла как персонаж и как языковая личность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 64-77. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77>, <https://elibrary.ru/wipwke>
11. Сигал К.Я. Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа // Научный диалог. 2021. № 2. С. 127-146. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-127-146>, <https://elibrary.ru/zuaabf>
12. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Феномен языковой личности персонажа (на материале романа Энтони Бёрджесса «Однорукий аплодисмент») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (154). С. 198-203. <https://elibrary.ru/mxmoqh>
13. Тимофеева А.И. Образ и языковая личность учителя (на примере рассказов А.П. Чехова «Учитель словесности» и «Скучная история») // Дискурс профессиональной коммуникации. 2020. Т. 2. № 3. С. 85-99. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-85-99>, <https://elibrary.ru/xkqhgn>

14. Шаталова О.В. Слово ясно как лексико-синтаксический маркер языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 121-138. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138>, <https://elibrary.ru/olzobd>
15. Шурупова О.С. Речевой портрет маленького человека (на материале повести Л.К. Чуковской «Софья Петровна») // Русская речь. 2022. № 5. С. 104-114. <https://doi.org/10.31857/S013161170022858-2>, <https://elibrary.ru/xlmmam>

References

1. Churilina L.N. *Linguistic Personality in a Literary Text*. Moscow, FLINTA Publ., 2022, 239 p. (In Russ.)
2. Dubova M.A., Tamazyan V.A. Verbs of thought as a way of characterizing hero-intellectual in short prose of A.P. Chekhov and A.I. Kuprin. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, no. 9, pp. 88-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-123>, <https://elibrary.ru/urmodu>
3. Dubrovskaya E.M. The current state of the theory of linguocultural types. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2024, vol. 15, no. 2, pp. 394-414. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414>, <https://elibrary.ru/pfwygz>
4. Kadilina O.A., Ryadchikova E.N. Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 859-882. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>, <https://elibrary.ru/yphabv>
5. Kazarin Yu.V. *Linguistic Analysis of the Text*, Moscow, LLC “Publishing House Yurayt”, 2020, 132 p. (In Russ.)
6. Dubova M.A. The concept of “Mental activity” as a component of the hero’s linguistic personality in the novel by I.A. Bunin’s “Life of Arseniev”. *Neofilologiya = Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 444-452. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452>, <https://elibrary.ru/ifidqe>
7. Dubova M. A., Larina N.A. Means of lexical representation of spatial continuum in early stories of I.A. Bunin. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 10, pp. 191-212. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212>, <https://elibrary.ru/bmooap>
8. Karpinskay N.V., Shkuran O.V., Shkuran S.A. Characteristics of somatic phraseology in E. Vodolazkin’s novel “Lavr”: semantics, functional potential, frequency of use. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1253-1270. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1253-1270>, <https://elibrary.ru/awxhmg>
9. Maslova V.A. Linguistic and poetic picture of the world: essence and differentiation. *Russkii test: teoriya i praktika = Russian Language: Research, Testing and Practice*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 5-11. (In Russ.)
10. Ryadchikova E.N., Kadilina O.A., Balian A.M. Alice from the tales of L. Carroll as a character and linguistic personality. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 64-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77>, <https://elibrary.ru/wipwke>
11. Seagal K.Ya. “Fact” as a lexico-syntactic marker of the character’s linguistic personality. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 2, pp. 127-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-127-146>, <https://elibrary.ru/zuaabf>
12. Tahtarova S.S., Pavlov D.V. The phenomenon of the linguistic personality of the character (based on the novel “One hand clapping” by Anthony Burgess). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = “Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University”*, 2021, no. 1 (154), pp. 198-203. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mxmogh>
13. Timofeeva A.I. Image and linguistic personality of the teacher (based on short stories by Anton Chekhov). *Diskurs professional’noi kommunikatsii = Professional Discourse & Communication*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 85-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-85-99>, <https://elibrary.ru/xkqhgq>
14. Shatalova O.V. Word “Yasno” [clear] as a lexical-syntactic marker of linguistic personality in novel “We” by E. Zamyatin. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, no. 8, pp. 121-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138>, <https://elibrary.ru/olzobd>

15. Shurupova O.S. Speech portrait of a small person (on the material of the story “Sofya Petrovna” by L.K. Chukovskaya). *Russkaya Rech’ = Russian Speech*, 2022, no. 5, pp. 104-114. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013161170022858-2>, <https://elibrary.ru/xlmnam>

Информация об авторе

ТАМАЗЯН Валентина Артуровна, аспирант, кафедра русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Московская обл., Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3028-7906>, tamazyan.valentina@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.10.2024

Поступила после доработки и рецензирования 09.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Valentina A. Tamazyan, Post-Graduate Student, Russian Language and Literature Department, State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3028-7906>, tamazyan.valentina@yandex.ru

Received 19.10.2024

Approved after reviewing and revision 09.04.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.